

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ:
НОВЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ГРУППЫ В РОССИИ

Вопросы для обсуждения:

1. Формирование новых социальных групп.
2. Сдвиги в социально-экономическом положении, сознании и поведении основных общественных групп.
3. Изменение образов российского общества в сознании населения.

*А.Г. Левинсон,
кандидат искусствоведения, ВЦИОМ*

Интеллигенция в условиях постсоветского общества

За период 1985—1993 гг. среди всех социальных групп бывшего советского общества интеллигенция, быть может, подверглась наиболее сильным воздействиям. Ее, как основного производителя и потребителя информации, более других коснулось снятие цензуры ("гласность"), а ее представители неожиданно начали "хождение во власть". Однако затем именно те отрасли, именно те категории рабочих мест, где служит подавляющая часть этой группы, стали наиболее стремительно терять материальную поддержку государства. И призыв властей присоединиться к ним в борьбе с номенклатурой, и потеря поддержки со стороны власти, — все эти влияния действовали на разные части интеллигенции по-разному, и поэтому мы сегодня наблюдаем несколько типов ее реакций.

Наши наблюдения были собраны в ходе большого исследования, проведенного отделом качественных методов Всероссийского центра изучения общественного мнения. С помощью глубинных интервью были обследованы все слои стратификационной структуры постсоветского общества, в том числе интеллигенция. Собранный материал позволяет нам включить некоторые эмпирические свидетельства в ход обсуждения популярной ныне темы о конце или кризисе

Типологизировать реакции интеллигенции на "вызовы времени" можно следующим образом. Представим, что на одном краю шкалы

— такие действия и состояния этих людей, которые они сами и их окружение представляют как полный разрыв со своей ролью и статусом. На другом полюсе, напротив, действия, направленные на возможно более полную консервацию своего положения. Между ними оказывается все многообразие сочетаний "старого" и "нового" в поведении и самоощущении интеллигенции.

Итак, предельный случай — это уход со своего "социального места". Он относительно широко представлен отъездами, эмиграцией. В нашем исследовании мы иногда заставали, так сказать, следы этого процесса: ответ на вопрос о друзьях иной раз звучал так: "Все уехали".

Надо подчеркнуть, что в случае интеллигенции потеря (перемена) статуса и роли при эмиграции связана не столько с потерей гражданства, "разрывом" и проч., сколько с тем, что в социальной структуре тех обществ, куда вливаются эмигранты-интеллигенты из бывшего СССР, зачастую отсутствует упомянутое "социальное место". Иными словами, там просто нет интеллигенции в том понимании, которое приложимо к соответствующему слою нашего населения. А на роль так называемых intellectuals или professionals годятся отнюдь не все уехавшие.

Впрочем, и из оставшихся далеко не все готовы или способны самостоятельно вынести на рынок свои уникальные знания, умения и способности в сфере наук, искусств или свободных профессий. Те же, кто готовы, сегодня находят альтернативу отъезду в виде работы "по-западному" в многочисленных совместных предприятиях или немногочисленных отечественных, принявших этот стиль и уровень деятельности. В нашем исследовании фигурировали рассказы людей, по сути дела, "порвавших" с интеллигенцией, ее традициями, но оставшихся в сфере традиционных "интеллигентных занятий", например, таких, как работа с иностранными языками. Режим дня, привычки, отношение к деньгам и тратам, говорили они, приходится менять. "Не захочешь менять — не получишь эту работу. А заработки такие, что сразу отрывают тебя от привычного для тебя и друзей уровня потребления, возникают сложности в поддержании прежних связей". Значительная доля этих лиц работает ныне в учреждениях нового, прежде неизвестного нам типа — в "фирмах", в СП и т.п. Другая часть реформирует или участвует в трансформации собственных прежних мест работы. Примером могут служить редакции некоторых изданий, некоторые новые научные коллективы. Их работники усваивают новые нормы внешнего поведения и значительно меняют свой менталитет. Итак, второй тип ухода из интеллигенции — не в эмигранты, а в новые группы профессионалов интеллектуального труда.

Часть этих профессионалов оказывается предпринимателями в названной сфере. "Выходцы из интеллигенции" открывают, например, разнообразные учебные заведения, включая школы женской красоты, курсы духовного самосовершенствования и др. Для некоторой

части бывших ИТР, преподавателей вузов и сотрудников НИИ бизнес стал единственным и всепоглощающим занятием. Именно из интеллигенции рекрутирована та часть корпуса новых предпринимателей, чье поведение в наибольшей степени окрашено элементами "протестантской" этики и "духом капитализма". Здесь встречается и аскетический образ жизни, служение деньгам, обороту, самому капиталу, убежденность в наличии высоких оправданий и обоснований своей деятельности. Это третий вид полного "ухода из интеллигентов".

Впрочем, подобное перерождение случается не со всеми, занявшимися предпринимательством. Сказанное касается только некоторой доли крупных и крупнейших бизнесменов из среды интеллигентов. Более многочисленны случаи "сидения на двух стульях". Иногда бывшие научные сотрудники или инженеры начинают с приработков, с коммерциализации своих услуг в рамках собственной специальности. Потом логика предпринимательской деятельности ведет к расширению бизнеса на сферы, никак не связанные с традиционными интеллигентными занятиями. Но в отличие от тех, кто целиком отдается бизнесу, для некоторых эта деятельность, скажем торговля (пусть даже они в ней преуспевают), остается в ценностном отношении чем-то второстепенным.

Здесь возможны два варианта. Один, наиболее этически-комфортный, когда бизнес может служить источником средств для поддержания совсем другого, сугубо некоммерческого предприятия. В нашей выборке был учитель, открывший собственную школу с весьма оригинальной программой и с практически бесплатным обучением. Средства для своей школы он получал от торговли "всякой ерундой". При этом у подобных бизнесменов сохраняется типично интеллигентская этика, в том числе ее идеалы: бессеребренничества, неуважения к деньгам и проч., однако им удается сравнительно бесконфликтно совмещать две свои роли за счет выраженной инструментализации своей коммерческой деятельности и ее ценностного подчинения "главному делу в жизни". А это дело освящено традиционно-интеллигентскими ценностями служения другим, распространения просвещения, делания добра и т.п.

Другой вариант — занятия бизнесом (как правило — мелким) в поисках средств своего собственного пропитания, а иногда — и "скромного процветания". Но у этого типа моральное удовлетворение от собственной предпринимательской деятельности (даже успешной) не возникает. Напротив, формируется чувство вины за измену собственным ценностям, поскольку деятельность для собственной пользы осуществляется за счет, в ущерб своей общественно значимой прежней деятельности. Чувство вины за то, что приходится делать не то, что полагается, "не то, ради чего я пять лет в институте учился", иногда трансформируется в обвинения по адресу "властей (реформаторов, Ельцина, Гайдара и др.), вынудивших меня стоять на углу и торговать черт-те чем".

Хотелось бы обратить особое внимание на эту категорию лиц, пребывающих в состоянии серьезного внутреннего напряжения. Их характеризует внутренняя дезориентация, неустойчивость в политических предпочтениях, порой значительное рассогласование в вербальном и реальном поведении. Они рассматривают и собственное жизненное положение и всю ситуацию в обществе как временные, как "ненастоящую жизнь". Они остро нуждаются в аргументах, легитимирующих их собственное поведение, которое им представляется неподобающим "истинному" статусу интеллигента. А такими аргументами могут служить только ссылки на чрезвычайные обстоятельства в их личной жизни ("у меня дочь больная, где я еще возьму деньги?!") или в жизни общества ("вы же видите, какое время сейчас, все с ума ПОСХОДИЛИ"). Соответственно они склонны к аггравации собственных тягот, и в особенности к обобщенно-негативной оценке общественной ситуации. Чем более патологической она предстает, тем более оправдано их поведение. Это они являются наиболее благодарной аудиторией для тех СМК и для тех политиков, которые муссируют темы общественной катастрофы, нравственной гибели общества и т.п.

Следующий "отряд советской интеллигенции" представлен теми, кто в силу тех или иных обстоятельств остался или более всего хотел бы остаться на своем прежнем месте — месте работы, месте в жизни. При этом сохранение прежнего места работы, должности, объема и содержания труда работника, с одной стороны, и его социального статуса как члена общества, — с другой, все более проблематично в нынешних обстоятельствах существования "бюджетной сферы", учреждений науки и культуры, образования и других мест приложения труда интеллигенции, находящихся на государственном иждивении.

Для этой категории в значительной степени характерны такие же феномены "черного" сознания, склонность к катастрофическому видению реальности, либо депрессивность как черта социального характера. В социально-демографическом плане эта категория в значительной степени представлена женщинами в возрасте около 50 лет.

Для некоторой части интеллигенции выходом представляется не отказ от привычных воззрений, а активное их утверждение, распространение свои надежд и помыслов на новые сферы, представляющиеся, однако, расширением прежде знакомых. Одна из таких сфер — религиозность и область иррационального. На этих направлениях возникают новые, по сути, кажущиеся "традиционными", формы общности, например кружки, объединения, общины.

В заключение можно сказать, что советская интеллигенция в условиях постсоветского существования подверглась разложению на фракции, причем отдельные части ее претерпевают трансформацию, а другие — стагнацию.